

Уже давно в финно-угроведении устоялась точка зрения, что прибалтийско-финским языкам не были свойственны превербы, и они появились под влиянием индоевропейских языков; причем у разных прибалтийско-финских языков были контакты с разными индоевропейскими языками. На самых ранних этапах создания литературных эстонского и финского языков превербы возникли как кальки: в эстонском – с немецкого, в финском – со шведского при переводе Библии М. Агриколой. Вепсский не калькировал, а заимствовал несколько русских приставок, в ливский попало гораздо больше латышских префиксов, от которых, впрочем, при нормировании языка отказались (см. об этом Mägiste 1937).

Автор работы об эстонских превербах, К. Хассельблатт, считает, что, несмотря на то, что глаголы с превербами составляют существенный раздел эстонской лексики, они не могут рассматриваться как исконные, поскольку по своим свойствам похожи на немецкие эквиваленты. Он считает, что около 60% глаголов с превербами в литературном эстонском языке более или менее идентичны своим немецким аналогам с семантической и функциональной точек зрения. Анализируя возникновение таких глаголов в эстонском языке, К. Хассельблатт делит их на три группы:

- 1) немецкие кальки (на основе таких критериев, как образность, избыточность преверба и др.);
- 2) небольшая группа «темных случаев», возможные переводы с других языков и т. п.;
- 3) конструкции, которые нельзя описать как кальки, а скорее надо рассматривать как "логические конструкции", например, как комбинации глаголов движения с наречиями места (Hasselblatt 1990).

Немецкое влияние на эстонский литературный язык было очень велико, первые эстонские тексты были написаны иностранцами (подробно см., например, Erelt 2003; Metslang 2001 и др.).

Доля немцев в средневековой Эстонии среди городского населения была очень большой, поэтому в городах были постоянные устные контакты. Но и в сельской местности невозможно было избежать эстонско-немецких контактов, которые осуществлялись через церковь (см. об этом Müller & Schlotthauer 2011). Таким образом, возможно, было влияние немецкого языка и на эстонские диалекты. Подробного анализа функционирования превербов в эстонских диалектах, насколько нам известно, не делалось. Существует небольшое корпусное исследование употребления глаголов с превербами в эстонских диалектах (Uiboaed 2010).

Идиом сето, хотя и считался до последнего времени диалектом эстонского языка, однако по экстралингвистическим причинам развивался достаточно обособленно. Дело в том, что сето, в отличие от эстонцев, никогда не были лютеранами, они приняли православие в XV в., и, соответственно, их язык не мог испытать на себе немецкого влияния в церковной сфере. Сето никогда не имел письменности, поэтому в него не могли попасть кальки при переводе с других языков. Тем не менее, в идиоме сето присутствуют те же превербы, что и в литературном эстонском языке, а также в его диалектах. Проживающие в Российской империи сето были неграмотными, с 1920 г., когда они оказались в буржуазной Эстонии, их стали обучать в школе на эстонском

* Работа поддержана грантом РФФИ, проект № 18-012-00802: «Комплексное социолингвистическое и грамматическое исследование идиома российских сето».

языке. Можно было бы предположить, что провербы попали в сето из эстонского языка в поздний период. Но в начале XX в. довольно большая часть сето, никогда не учившаяся на эстонском языке, по столыпинской аграрной реформе переселилась в Сибирь. Проведенные автором полевые исследования идиома сето в Псковской обл. и в Красноярском крае показали, что, несмотря на очень большую идиолектную вариативность в разных областях грамматики, провербы функционируют одинаково у всех носителей. Таким образом, можно сделать вывод об исконности провербов в прибалтийско-финских языках. Мы имеем дело с довольно нетривиальной ситуацией, когда данные бесписьменного языка вносят коррективы в диахроническую теорию, построенную на материале относительно давних письменных памятников.

Литература

- Erelt M. (ed.) Estonian Language. *Linguistica Uralica*, supplementary series, volume 1, 2003
- Hasselblatt C. Das estnische Partikelverb als Lehnübersetzung aus dem Deutschen (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica 31). 1990. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Mägiste J. Laenatud indo-euroopa verbiprefikseist läänemeresm. keelis. *Eesti keel*. №3, 1937. 65-85.
- Metslang H. On the developments of the Estonian aspect: The verbal particle ära. Dahl Ö. and Koptjevskaja-Tamm M. (eds) *Circum-Baltic languages : Typology and contact. Volume 2. Grammar and Typology*. John Benjamins Publishing Company Amsterdam/Philadelphia. 2001, 443-480.
- Müller F. and Schlotthauer S. Estonian and German Verb-Particle Combinations and Argument Restructuring. *Language Contact in Times and Globalization (SSGL 38)*. Amsterdam, New-York: Rodopi, 2011, 155-176.
- Uiboaed, K. Ühendverbid eesti murretes. *Keel ja Kirjandus* 1. 2010. 17–36.